

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ
И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания

В.А. Шорохова*,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
shorokhovava@gmail.com

О.Е. Хухлаев**,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaev@mail.ru

С.Б. Дагбаева***,
Забайкальский государственный университет (ФГБОУ ВПО ЗабГУ), Россия,
soela@bk.ru

В статье представлены результаты социально-психологического исследования религиозной идентичности школьников буддистского вероисповедания. В исследовании приняли участие 184 человека, учащиеся 9–10 классов средней школы пгт. Агинское (Агинский Бурятский округ, Забайкальский край). Религиозная идентичность, согласно концепции Г. Олпорта и измерениям Р. Горсача и С. МакФерсона, рассматривается не только как принадлежность к буддистскому вероисповеданию, а как сложное социально-психологическое понятие, имеющее четырехфакторную структуру, выстроенную на базе шкал: личностная–социальная и внутренняя–внешняя. Различные компоненты религиозной идентичности изучаются в контексте их взаимосвязи с ценностными ориентациями, по Ш. Шварцу и Г. Хофстеде. В качестве методического инструментария выступили адаптированная версия опросника Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности», портретный ценностный опросник Ш. Шварца PVQ-R2 и опросник ценностных ориентаций Г. Хофстеде. Выявлено, что почти все ценности, взаимосвязанные с различными компонентами религиозной идентичности буддистской молодежи, относятся к социальному фокусу. Таким образом, религиозная идентичность современной буддистской молодежи имеет выраженный социальный характер.

Ключевые слова: религиозная идентичность, ценностные ориентации, буддизм, буддистская молодежь, школьники буддистского вероисповедания, компоненты религиозной идентичности, личностное-социальное.

Для цитаты:

Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107

* Шорохова Валерия Альбертовна, аспирантка кафедры «Этнопсихология и психологические проблемы поликультурного образования», ГБОУ ВПО МГППУ. E-mail: shorokhovava@gmail.com

** Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Этнопсихология и психологические проблемы поликультурного образования», ГБОУ ВПО МГППУ. E-mail: huhlaev@mail.ru

*** Дагбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, доцент кафедры «Психология образования», Психолого-педагогический факультет, Забайкальский государственный университет (ФГБОУ ВПО ЗабГУ), Россия. E-mail: soela@bk.ru

Вопросы, связанные с изучением религии, всегда лежали в области интересов множества ученых гуманитарной направленности, в том числе и психологов. Согласно взглядам Э. Эриксона, религия играет значимую роль в процессе формирования идентичности подростков. Он отмечает, что религия является неотъемлемой частью социально-исторической матрицы, выступающей в качестве своего рода платформы для формирования идентичности. Кроме того, по словам Эриксона религия была и остается старейшим и одним из наиболее значимых социальных институтов, на базе которого, создаются условия для развития привязанности как значимого новообразования, необходимого для успешного выхода из психологического кризиса подросткового возраста и формирования идентичности [6].

По А.Н. Крылову, под религиозной идентичностью понимается «фиксирование тождественности субъекта в смысле приобретения посредством религии собственного экзистенциального опыта при субъективном осознании своей принадлежности к тому или иному религиозному сообществу» [8, с. 223–224]. Таким образом, идентичность обуславливает способность человека к ассимиляции личностного и социального опыта, поддержанию собственной целостности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире [3]. В отечественной социальной психологии религиозная идентичность чаще всего рассматривается как подвид социальной идентичности и синонимична религиозной принадлежности (Ефремова М.В., Павлова О.С., Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А.) [5; 16; 21].

С другой стороны, религиозная идентичность представляет собой не только свойство, т. е. что-то изначально присущее человеку, а отношение, которое формируется, закрепляется и трансформируется только в ходе социального взаимодействия [11].

Г.Е. Манзанов также упоминает о важной роли религии как механизма «влияния на социальную организацию и структуру». Религия как социальный институт может отражать «...сущность культуры и одновременно культура строится на основах, зафиксированных в религиозном каноне ...» [12, с. 40]. А культура, по словам Г. Риккерта, это, прежде всего, общезначимые ценности, т. е. своего рода системообразующие категории. «Система ценностей делает возможным систематизирование, а отнесение к системе ценностей позволяет применить индивидуализирующий метод» [17, с. 247].

Таким образом, обращая внимание на вопросы очевидной взаимосвязи культуры и религии, в рамках социальной психологии мы предлагаем их изучение на уровне взаимодействия и взаимовлияния религиозной идентичности и ценностных ориентаций.

Существует множество теоретических концепций, связанных с изучением ценностных ориентаций, наиболее известными из которых являются модели Ш. Шварца и Г. Хофстеде. Модель Ш. Шварца, в последнее время, подвергшаяся некоторой доработке и уточнению, представляет собой круговой мотивационный континуум, содержащий 19 ценно-

стей. «Уточненная теория опирается на ключевое положение теории ценностей: ... ценности формируют круговой мотивационный континуум. Теория выделяет 19 ценностей и располагает их на континууме: смежные ценности являются наиболее совместимыми, а противоположные находятся в наибольшем конфликте друг с другом» [10]. Так как ценности, по Шварцу, отличаются друг от друга главным образом типом мотивации, «...в которой они отражаются», то каждому типу «...соответствует своя мотивационная цель» [10, с. 218], что и нашло отражение в круге.

Что касается модели Г. Хофстеде, в ней ценности рассматриваются как ядро культуры, и определяются как общая тенденция субъективных предпочтений и повседневных выборов [2]. Изначально Хофстеде выделил 4 ценностных параметра: индивидуализм/коллективизм; маскулинность/феминность; дистанция власти; избегание неопределенности [24]. Затем, по итогам совместной работы с М.Х. Бондом, было добавлено пятое измерение «долговременная/кратковременная временная ориентация». А в 2007–2010-х гг. результаты исследований болгарского ученого Михаила Минкова «...привели к пересмотру расчета пятого параметра и к добавлению шестого» — потворство желаниям/сдержанность [18].

В рамках нашей работы было принято решение придерживаться изначально четырехмерной ценностной модели по причине ее многократной апробированности в различных научных исследованиях и внутренней целостности.

В качестве теоретической базы нашего исследования с точки зрения религиозной идентичности был выбран подход Д. Ван Камп. В своем диссертационном исследовании «Религиозная идентичность: индивидуальное и социальное» [26], понимая религиозную идентичность как многомерное понятие, Д. Ван Камп выделила четыре измерения религиозной идентичности, включающие в себя, во-первых, два измерения религиозности Г. Олпорта [22] (по смысловой наполненности) — а именно, внешние и внутренние параметры, и два измерения Р. Горсача и С. МакФерсона [23] (личностный и социальный параметры). Таким образом, на пересечении двух шкал — личностной—социальной и внутренней—внешней — была выстроена четырехкомпонентная структура религиозной идентичности, состоящая из следующих компонентов.

— Духовной идентичности (Individual Faith Identity), отражающей отношение человека к Богу, чувства, которые он при этом испытывает, а также значимость духовной составляющей в структуре религиозной идентичности, особенности, связанные с молитвой и выполнением религиозных практик.

— Идентичности по религиозной группе (Religious Group Identity), включающей вопросы, относящиеся к субъективному ощущению взаимосвязи с религиозной группой, месту и значимости членства в данной религиозной группе для формирования образа Я.

— Личных выгод от принадлежности к религиозному сообществу (Personal Benefits of Religion), т. е. «религиозности для чего-либо», мотивации на полу-

чение от религии каких-либо личных и внутренних благ, преимуществ и выгод, например, ощущения внутреннего комфорта и осмысленности жизни.

— Социальных выгод от принадлежности к религиозному сообществу (Social Benefits of Religion), проявляющихся в активном посещении человеком религиозных мест и учреждений (например, церкви) для удовлетворения потребности в дружбе и социальных связях [20].

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи различных компонентов религиозной идентичности и ценностей. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о существовании взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и различными ценностными ориентациями. При этом наиболее вероятным представлялось наличие связи между ценностями, относящимися к социальному фокусу (традиция, конформизм, скромность), и внутренними компонентами религиозной идентичности, связанными со значимостью принадлежности к своей религиозной группе и глубокими внутренними аспектами религии.

Метод

Общая выборка исследования составила 184 человека, из них — 114 девушек и 70 юношей (средний возраст — 15 лет), проживающих в пгт. Агинское (Агинский Бурятский округ, Забайкальский край), из которых 176 человек идентифицировали себя как буддистов. Обработка результатов исследования проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics.

В исследовании использовался следующий методический инструментарий. В качестве инструмента исследования религиозной идентичности и ее компонентов применялась адаптированная версия опросника Д. Ван Камп. Данная методика была переведена на русский язык, с помощью экспертного опроса адаптирована в соответствии с российскими культурными особенностями, а также особенностями религиозной группы и проверена на надежность шкал. В итоге был получен опросник, состоящий из 32 вопросов, каждый из которых необходимо было оценить по шкале Лайкерта от 1 (*Полностью согласен*) до 5 (*Полностью не согласен*).

Для изучения ценностных ориентаций личности было использовано два инструмента: методика изучения ценностей Ш. Шварца в виде портретного ценностного опросника (PVQ-R2) и методика изучения ценностей Г. Хофстеде. Опросник Ш. Шварца был адаптирован на русском языке в рамках работы сотрудников международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ под руководством Н.М. Лебедевой [17]. Содержание опросника составляют 57 утверждений, степень согласия с каждым из которых оценивается по 6-балльной шкале.

Что касается методики изучения ценностных ориентаций Г. Хофстеде, то данный опросник был

сконструирован авторами исследования на основе теории измерений культур Г. Хофстеде. Оригинальный опросник Г. Хофстеде не мог быть использован так как он предназначен для изучения организационных ценностей и не подходит для респондентов школьного возраста. В качестве стимульного материала были использованы утверждения, приводимые Г. Хофстеде [24] как характеристики каждого из четырех измерений культуры, связанные со сферами образования и семейных отношений, актуальными для старшеклассников. Опросник прошел экспертный анализ и проверку надежности шкал. В силу специфики конструкторов модели Г. Хофстеде напрямую проверить валидность шкал невозможно, однако анализ взаимосвязей с ценностями по Ш. Шварцу показал наличие теоретически предполагаемых взаимоотношений (например, низкая Дистанция власти связана с ценностями самостоятельности, коллективизм — с традиционализмом, феминность — с низкой ценностью власти).

Опросник содержит 15 утверждений, каждое из которых предлагается оценить по шкале Лайкерта от 1 (*Полностью согласен*) до 5 (*Полностью не согласен*). Соответствие модели с исходными данными было проверено с помощью конфирматорного факторного анализа (CMIN/df = 1.61, RMSEA = 0.058 (HI90 = 0.075), CFI = 0.84, GFI = 0.91, AGFI = 0.87). Некоторые критерии согласия немного ниже допустимого порога, однако, как отмечает О.В. Митина «... если один из показателей дает “хорошее” значение, а остальные не очень сильно отклоняются от критерийного интервала, можно принимать гипотезу о согласованности» [13, с.134]. К тому же критерий, демонстрирующий высокую достоверность (индекс Стейгера–Линда, RMSEA), считается наиболее robustным [14].

Результаты

На первом этапе исследования основной задачей представлялось определение структурной схемы религиозной идентичности. Для этого была построена точечная диаграмма (график нормализованного простого стресса), которая позволила определить оптимальное количество учитываемых факторов, которое, в отличие от английского варианта методики, где использовалось 4 фактора, оказалось равно трем (56% объясненной дисперсии). Подобное различие может быть объяснено тем, что английский опросник проводился на христианско-мусульманской выборке, в то время как респонденты нашего исследования являлись буддистами по вероисповеданию.

Таким образом, было принято решение придерживаться полученной факторной раскладки, которая является в некоторой степени модифицированной по сравнению с исходными результатами Д. Ван Камп, а также ввести новые названия компонентов религиозной идентичности и предложить несколько отличную трактовку модели.

Итак, было выделено 3 составляющих компонента религиозной идентичности буддистской молодежи (табл. 1):

- религия как способ социального взаимодействия;
- духовная идентичность;
- идентичность по вероисповеданию.

Критерии согласия данной модели по результатам конфирматорного факторного анализа говорят о высоком соответствии исходным данным, демонстрируемом на основании анализа наиболее популярных критериев согласия (CMIN/df = 1.25, RMSEA = 0.037 (HI90 = 0.074), CFI = 0.99, GFI = 0.97, AGFI = 0.94).

Как видно из табл. 1, наиболее значимым для буддистской молодежи представляется параметр «Идентичность по вероисповеданию». Данный компонент отражает значимость принадлежности к религиозной группе, ощущение субъективной эмоциональной и когнитивной взаимосвязи с ее членами и ценностями. Это внутренний и социальный параметр. Наибольшую факторную нагрузку по шкале «Идентичность по вероисповеданию» получили утверждения: «Для меня важна принадлежность к Буддизму», «Моя религия это часть моей жизни», «Для меня важно знать, что я буддист».

Следующий по значимости компонент – «Духовная идентичность» практически полностью соответствует аналогичной шкале из англоязычной методики. Это внутренний, личностный и наиболее глубокий параметр, отражающий духовный и внеинституциональный аспект религии, которая выступает не в виде «средства» достижения цели, а в качестве значимой мировоззренческой и экзистенциальной самоценности. Данный аспект также включает особенности, связанные с молитвой и выполнением религиозных практик. Наибольшую нагрузку по данной шкале получили такие утверждения как: «Для меня важнее личные взаимоотношения с Богом, чем выполнение религиозных практик» и «Моя личная жизнь – это одно, а мое вероисповедание – это другое» (обратный вопрос).

И, наконец, наименее выраженный компонент религиозной идентичности – «Религия как способ социального взаимодействия». Данный компонент по содержанию близок к шкале Д. Ван Камп, отражающей роль религии как средства получения социальных выгод от принадлежности к религиозному сообществу. Это внешний и социальный компонент религиозной идентичности. Религия в рамках дан-

ного компонента выступает в качестве способа организации социальной и коммуникативной среды человека, удовлетворения потребности в дружеском общении, выстраивании собственной структуры социального взаимодействия. Наибольшую факторную нагрузку по данной шкале имеют утверждения: «Моя религия помогает мне ощутить связь с другими людьми в обществе», «В своей религиозной практике я ориентируюсь на других известных мне людей, исповедующих мою религию» и «Для меня самое важное – ходить в конкретный храм, к определенному священнику и/или быть членом конкретного общества».

Что касается четвертого компонента, изначально присутствующего в английском опроснике – «Личные выгоды от принадлежности к религиозному сообществу», и в русском варианте получившего название «Религия как способ индивидуальных позитивных изменений», то на буддистской выборке он не был выделен как отдельный параметр. Однако следует отметить, что утверждения, изначально относящиеся к данному компоненту, практически полностью, единым блоком были включены в компонент «Идентичность по вероисповеданию». То есть можно говорить о крайней тесной взаимосвязи данных параметров, проявляющейся в том, что ощущение своей принадлежности к буддизму также выступает для респондентов средством внутренней саморегуляции и способом организации внутреннего комфорта, безопасности и структурированности.

Переходя ко второму этапу исследования, необходимо более подробно остановиться на взаимосвязях выделенных компонентов религиозной идентичности и ценностей на индивидуальном уровне по Ш. Шварцу и Г. Хофстеде. Значимые корреляционные взаимосвязи представлены в табл. 2.

Как видно из таблицы, наибольшее количество взаимосвязей присутствует между ценностями по Шварцу/Хофстеде и параметром «Идентичность по вероисповеданию». При этом наиболее значимые взаимосвязи религиозной идентичности наблюдаются с ценностями социального фокуса, сохранения и самоопределения («Безопасность – Общественная», «Традиция», «Конформизм – Правила», «Конформизм – Межличностный», «Скромность», «Универсализм – Забота о природе», «Универсализм – Забота о других», «Универсализм – Толерантность», «Благожелательность – Забота», «Благожелатель-

Таблица 1

Структура религиозной идентичности буддистской молодежи.
Сравнительная выраженность компонентов

	Компоненты религиозной идентичности		
	Религия как способ социального взаимодействия	Духовная идентичность	Идентичность по вероисповеданию
Среднее	1,49	2,06	2,87
Стандартное отклонение	0,92	0,79	0,99

Взаимосвязь компонентов религиозной идентичности и ценностей по Ш. Шварцу и Г. Хофстеде

Ценности	Компоненты религиозной идентичности		
	Религия как способ социального взаимодействия	Идентичность по вероисповеданию	Духовная идентичность
Стимуляция		0,165*	
Гедонизм		0,202**	
Достижение		0,188*	
Репутация		0,181*	
Безопасность – Личная		0,222**	
Безопасность – Общественная		0,180*	
Традиция	0,193*	0,467**	
Конформизм – Правила	0,154*	0,265**	
Конформизм – Межличностный	0,158*	0,233**	
Скромность		0,298**	
Универсализм – Забота о природе	0,161*	0,282**	
Универсализм – Забота о других		0,254**	
Универсализм – Толерантность		0,279**	
Благожелательность – Забота		0,243**	
Благожелательность – Чувство долга		0,206**	
Феминность	0,253**		0,254**
Коллективизм	0,268**	0,289**	
Низкая дистанция власти	0,218**	0,240**	
Высокое избегание неопределенности	0,239**	0,251**	

Примечание: «*» – $p \leq 0,05$; «**» – $p \leq 0,01$.

ность – Чувство долга»). Кроме того, были обнаружены взаимосвязи между параметром «Религия как способ социального взаимодействия» и всеми ценностными ориентациями по Г. Хофстеде («Феминность», «Коллективизм», «Низкая Дистанция власти», «Высокое избегание неопределенности»). Параметр «Духовная идентичность» демонстрирует взаимосвязь только с ценностью «Феминность».

Наличие большого количества корреляций между ценностями по Ш. Шварцу и компонентом «Идентичность по вероисповеданию» позволяет с высокой долей вероятности предположить наличие мультиколлинеарности. В этом случае конкретные коэффициенты, как корреляции так и регрессии, могут быть недостоверны, так как ценности взаимосвязаны. Для преодоления мультиколлинеарности, затрудняющей выявление и интерпретацию реальной степени значимости взаимосвязей в полученных данных, было решено провести регрессионный анализ (прямой пошаговый метод) с использованием четырех ортогональных ценностей, отражающих четыре разных полюса кругового мотивационного континуума

по Ш. Шварцу, и, вследствие этого, в меньшей степени взаимосвязанных (Традиция VS Самостоятельность – Мысли; Универсализм – Забота о других VS Власть – Доминирование).

При анализе влияния ценностей на иные компоненты религиозной идентичности в качестве независимых переменных были взяты ценностные ориентации со статистически достоверным уровнем значимости корреляции. В итоговых регрессионных моделях (табл. 3 и 4) представлены только те ценности, коэффициент влияния которых демонстрировал достоверность обнаруженной взаимосвязи ($p \leq 0,05$). Коэффициенты влияния каждой из ценностей обозначены соответствующими цифрами (параметры моделей обозначены в нижних строках).

Согласно данным регрессионного анализа, наибольшей значимостью обладает модель, описывающая влияние ценностей по Ш. Шварцу на параметр «Идентичность по вероисповеданию» (объем объясненной дисперсии – 34%). В модели, включающей ценности, по Г. Хофстеде, данный параметр также имеет более высокий уровень объема объясненной

Таблица 3

Влияние ценностей по Ш. Шварцу на компоненты религиозной идентичности
(регрессионный анализ)

Независимые переменные – ценности по Шварцу	Зависимые переменные – факторы РИ		
	Религия как способ социального взаимодействия	Идентичность по вероисповеданию	Духовная идентичность
Традиция	0,19*	0,64***	
Самостоятельность – Мысли		-0,22***	
R	0,19	0,59	
R ²	0,04	0,34	
Adj. R ²	0,03	0,34	
F	6,42*	44,38***	

Таблица 4

Влияние ценностей по Г. Хофстеде на компоненты религиозной идентичности
(регрессионный анализ)

Независимые переменные – ценности по Хофстеде	Зависимые переменные – факторы РИ		
	Религия как способ социального взаимодействия	Идентичность по вероисповеданию	Духовная идентичность
Коллективизм		0,21*	
Высокое избегание неопределенности		0,18*	
Феминность			0,26***
R		0,37	0,29
R ²		0,13	0,09
Adj. R ²		0,11	0,07
F		6,44***	4,15**

дисперсии (11%). Для буддистской молодежи ценность «Традиции» оказывает прямое влияние на «Идентичность по вероисповеданию», т. е. «поддержание и сохранение культурных, семейных и религиозных традиций» обуславливает значимость принадлежности к буддистскому религиозному сообществу.

Кроме того, ценность «Самостоятельность – Мысли», находящаяся на противоположном конце кругового мотивационного континуума, оказывает обратное влияние на «Идентичность по вероисповеданию», таким образом, можно сказать, что «свобода развивать собственные идеи и способности» понижает уровень значимости субъективной эмоциональной и когнитивной взаимосвязи с представителями своей религиозной конфессии. Подобный же результат можно увидеть, исходя из наличия прямого влияния «Коллективизма» и «Высокого избегания неопределенности» на «Идентичность по вероисповеданию», что говорит о том, что «высокий уровень интеграции в социальные группы» и достаточно беспоконное и тревожное восприятие ситуаций неопределенности оказываются взаимосвязаны со значимостью принадлежности к буддистскому вероисповеданию и включенности в собственную религиозную группу.

Таким образом, на «Идентичность по вероисповеданию» отрицательно влияет ценность самостоятельного и творческого мышления и положительно – высокая интегрированность в социальные группы, значимость сохранения традиций и тревожное состояние в нерегламентированных и новых ситуациях.

Что касается компонента религиозной идентичности «Религия как способ социального взаимодействия», то на него также оказывает прямое влияние ценность «Традиции». Можно предположить, что в среде, направленной на сохранение традиционных ценностей и верований, значимость религии как способа получения социальных благ и выстраивания коммуникативной среды буддистской молодежи будет достаточно высокой.

На компонент «Духовная идентичность» оказывает значимое влияние только ценность «Феминность», по Г. Хофстеде. То есть при наличии «минимальной дифференциации эмоциональных ролей между гендерными группами» и преобладании ценностей «умеренности и неравнодушия» на первый план у буддистской молодежи выходит значимость личных взаимоотношений с Богом.

Обсуждение

Основные значимые взаимосвязи сфокусированы на параметре значимости принадлежности к буддистской религиозной группе («Идентичность по вероисповеданию»). Это наиболее выраженный и значимый компонент религиозной идентичности буддистской молодежи. Подобный результат может быть связан с тем, что в бурятском сообществе буддизм и принадлежность к нему «...воспринимаются как этноинтегрирующая характеристика и даже как символ этнической принадлежности вне зависимости от глубины веры и знакомства с религиозной мифологией и догматикой» [1]. Таким образом, для наших респондентов роль религии не ограничивается ее пониманием сугубо как духовной практики, она в первую очередь воспринимается через призму принадлежности к религиозной группе, и, как следствие, к бурятскому обществу в целом. Высокая значимость подобного ощущения принадлежности для буддистской молодежи и такого компонента религиозной идентичности, как «Идентичность по вероисповеданию», видна через наличие прямого влияния на него ценностей «Традиции» как «сохранения и поддержания культурных и религиозных традиций» и «Коллективизм» («высокий уровень интеграции в социальные группы»).

Кроме того, ценность «Традиции», как и «Высокое избегание неопределенности», оказывающие прямое влияние на «Идентичность по вероисповеданию», можно отнести к ценностям «самозащиты» и «избегания тревоги». То есть, принадлежность к религиозному сообществу выступает для буддистской молодежи в качестве своеобразного ресурса, который задействуется в ситуациях неопределенности и усиления тревоги.

Значимость религиозной принадлежности, вероятно, выступает в качестве способа организации внутреннего комфорта, безопасности и структурированности. Согласно Э. Эриксону и В.А. Ильину, «религия ...как социальный институт ... на индивидуальном и на социальном уровнях... призвана снижать степень неопределенности и неуверенности — факторов, стимулирующих иррациональную тревожность и страх, а, следовательно, и недоверие к миру» [7].

При этом, вследствие наличия прямого влияния ценности «Традиции» на компонент религиозной идентичности «Религия как способа социального взаимодействия», можно предположить, что поиск ресурсов и средств для обеспечения внутреннего комфорта в напряженных ситуациях у школьников-буддистов будет лежать в социальной области через восприятие религии как способа получения определенных социальных благ и поддержки, а также выстраивания с ее (религии) помощью четких ориентиров в рамках собственной коммуникативной среды. При снижении напряженности ситуации и ее смещении в фокус «свободы от тревоги» (ценность «Самостоятельность — Мысли»), значимость принадлежности к буддистской религиозной группе начинает закономерно снижаться. То есть в среде, направленной на «свободное развитие своих собственных идей и способностей», потребность в социально-интегративных аспектах ре-

лигиозной идентичности («Идентичность по вероисповеданию») становится менее актуальной.

Кроме того, интересным представляется влияние ценности «Феминность» на компонент «Духовная идентичность». То есть при выходе на первый план «самого человека и смысла его существования» [7], характеризующих «Феминность», ее взаимосвязь с духовными и экзистенциально-значимыми аспектами религии представляется вполне логичной. Значимость «эмоциональных связей между людьми» и развитие чувства солидарности, также относящиеся к параметру «Феминность», с точки зрения выполнения духовных практик, соотносятся с основными постулатами буддистского религиозно-философского учения, в рамках которых, во-первых, отводится особая роль чувству сострадания, и во-вторых, все индивидуальные заслуги и достижения человека являются значимыми и посвящаются благу всех живых существ [9].

Итак, в целом, можно сделать вывод о том, **гипотеза** исследования о наличии взаимосвязи между различными компонентами религиозной идентичности и ценностными ориентациями подтвердилась. Была обнаружена связь между ценностями, относящимися к социальному фокусу или близкими к нему («Традиция», «Коллективизм», «Феминность») и внутренними компонентами религиозной идентичности, связанными со значимостью принадлежности к своей религиозной группе и глубокими внутренними аспектами религии.

Базовой особенностью буддистской религиозной идентичности является ее выраженная социальная направленность. Наиболее выраженным компонентом религиозной идентичности является «Идентичность по вероисповеданию», с ним же были выявлены основные взаимосвязи, что говорит о том, что принадлежность к буддизму является крайне значимым фактором для наших респондентов.

Ценности, направленные на избегание тревоги и относящиеся к социальному фокусу («Традиция», «Коллективизм», «Высокое избегание неопределенности»), оказывают влияние на социальные компоненты религиозной идентичности («Идентичность по вероисповеданию», «Религия как способ социального взаимодействия»). В то время как «Самостоятельность — Мысли» оказывается, с точки зрения этих же компонентов, им как бы противопоставленной. Что же касается личностно-внутреннего параметра — «Духовная идентичность», то он определен в большей степени ценностью параметра «Солидарность, забота об окружающих и смысл существования человека» («Феминность»), который можно относить как к личностным, так и к социальным. Таким образом, религиозная идентичность буддистской молодежи отличается выраженным социальным фокусом и направленностью на избегание тревоги.

Резюмируя полученные результаты, можно сказать, что в ситуации тревоги старшеклассник буддистского вероисповедания будет обращаться к религии как к средству получения социальной поддержки через активизацию значимости принадлежности к религиозной группе.

Выводы

1. В процессе исследования была выявлена трехфакторная структура религиозной идентичности, включающая в себя параметры (в порядке убывания значимости):

- «Идентичность по вероисповеданию»;
- «Духовная идентичность»;
- «Религия как способ социального взаимодействия».

2. Также была выявлена взаимосвязь различных параметров религиозной идентичности и ценностей по Ш. Шварцу и Г. Хофстеде.

В целом, основные значимые взаимосвязи между ценностями по Ш. Шварцу и Г. Хофстеде и параметрами религиозной идентичности выявлены между ценностями социальной направленности самозащиты, предполагающими защиту себя от угроз и беспокойства и обеспечение эмоционального комфорта («Традиция», «Коллективизм», «Высокое избегание неопределенности», «Феминность»), и социальными компонентами религиозной идентичности («Идентичность по вероисповеданию», «Религия как способ социального взаимодействия»). Религиозная идентичность буддистской молодежи имеет выраженный социальный характер.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ»).

Литература

1. Амоглонова Д.Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. 292 с.

2. Гарванова М.З., Гарванов И.Г. Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология: Материалы III Международной научной конференции. Казань: Бук, 2014. с. 5–20.

3. Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 1999. С. 111–115.

4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Г., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана, 2002. 352 с.

5. Ефремова М.В. Роль религиозной идентичности в моделях экономического поведения: межконфессиональный анализ // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 1. С. 20–30.

6. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

7. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.

8. Крылов А.Н. Религиозная идентичность: индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар, 2012. 303 с.

9. Кэнчен Палдэн Шераб Ринпоче, Кхенто Цеванг Донгьял Ринпоче. Свет трех драгоценностей. М.: Дхарма Самудра, 1999. 128 с.

10. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 491 с.

11. Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. 634 с.

12. Манзанов Г.Е. Религиозные традиции в ценностных ориентациях бурятской молодежи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 115 с.

13. Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 1. С. 131–148.

14. Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 415 с.

15. Овишинов А.Н. Духовная культура калмыцкого буддизма — индикатор этнической идентичности в евразийской цивилизации // Вестник КалмГУ. 2015. № 2 (26). С. 50–62.

16. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119–133.

17. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Под ред. и пер. С.И. Гессена. М.: Республика, 1998. 128 с.

18. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / Пер. с англ. В.Б. Кашкина) / Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. Вып. 12. С. 9–49.

19. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.

20. Шорохова В.А. Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 44–62.

21. Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.

22. Allport G., Ross M.J. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. P. 432–443.

23. Gorsuch R., McPherson S.E. Intrinsic / extrinsic measurement: I/E-revised and single-item scales // Journal for the Scientific Study of Religion. 1989. Vol. 28. P. 348–354.

24. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations, 2nd Edition. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 596 p.

25. Oppong S.H. Religion and Identity American [Электронный ресурс] // International Journal of Contemporary Research. 2013. Vol. 3. № 6. P. 10–16. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>. (дата обращения: 15.01.2016).

26. Van Camp D. Religious Identity: Individual or Social? [Электронный ресурс] // Exploring the Components and Consequences of Religious Identity. PhD. thesis. Howard University, Washington, D.C., 2010. URL: <http://search.proquest.com/pqdft/docview/743822279/13E4AA3864B650A BE7C/1?accountid=35419> (дата обращения: 15.01.2016).

Relationship between Values and Religious Identity in Buddhist Adolescents

V.A. Shorokova*,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
shorokhovava@gmail.com

O.E. Khukhlaev**,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
huhlaev@mail.ru

S.B. Dagbayeva***,

Faculty of Psychology and Pedagogics, Zabaikal State University,
soela@bk.ru

The paper describes results of a social psychological study on religious identity in Buddhist schoolchildren. The study involved 184 students of 9–10 classes of a school in the Aginskoye settlement (Aginsky Buryatsky Okrug, Zabaykalsky Krai). According to G. Allport's concept and R. Gorsuch & S. McPherson measurements, religious identity is considered not only as practicing Buddhism, but as a complex social psychological formation with a four-factor structure base on the following scales: personal/social and intrinsic/extrinsic. Different components of religious identity are explored in the context of their relationship with value orientations (as described by S. Schwartz and G. Hofstede). The following techniques were employed: the adapted version of D. Van Camp's Individual/Social Religious Identity Measure, Schwartz's Portrait Values Questionnaire (PVQ-R2), and Hofstede's Values Survey Module. As it was revealed, almost all values related to various components of religious identity of the Buddhist adolescents refer to the social focus. The paper concludes that religious identity in modern Buddhist young people has a distinctive social character.

Keywords: religious identity, value orientations, Buddhism, Buddhist youth, Buddhist schoolchildren, religious identity components, personal/social.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 15-06-10843 "Religious identity risks and resources in present-day Russia: cross-cultural analysis").

References

1. Amogolonova D.D. Sovremennaya buryatskaya etnosfera. Diskursy, paradigmy, sotsiokul'turnye praktiki. [Present-day Buryat Ethnosphere. Discourses, paradigms, sociocultural practices]. Ulan-Ude: Publ. Buryatskogo gosuniversiteta, 2008. 292 p.
2. Garvanova M. Z., Garvanov I. G. Issledovanie tsennostei v sovremennoi psikhologii [Value orientations study in modern psychology]. *Sovremennaya psikhologiya: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kazan', Oktiabr' 2014* [Modern psychology: Proceedings of the III International scientific congress, Kazan, October 2014]. Kazan: Buk, 2014. pp. 5–20.
3. Grishina E.A. Rossiiskaya molodezh': problemy grazhdanskoi identichnosti [Russian youth: civil identity problems]. Moscow, 1999, pp. 111–115.
4. Grushevitskaya T.G., Popkov V.G., Sadokhin A.P. Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii [Basics of intercultural communication]. Moscow: Yuniti-Dana, 2002. 352 p.
5. Efremova M.V. Rol' religioznoi identichnosti v modelyakh ekonomicheskogo povedeniya: mezhkonfessional'nyi analiz [The religious identity's role in the models of economic behavior: interconfessional analysis]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Specialized information (theoretical and practical problems of psychology)], 2014. no. 1, pp. 20–30.

For citation:

Shorokhova V.A., Khukhlaev O.E., Dagbayeva S.B. Relationship between Values and Religious Identity in Buddhist Adolescents. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 66–75. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120107

* Shorokhova Valeriya Al'bertovna, PhD student, Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: shorokhovava@gmail.com

** Khukhlaev Oleg Eogen'evich, PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: huhlaev@mail.ru

*** Dagbayeva Soelma Batomunkuevna, PhD in Psychology, associate professor, Chair of Educational Psychology, Faculty of Psychology and Pedagogics, Zabaikal State University, Russia. E-mail: soela@bk.ru

6. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Ed. by Tolstykh A.V. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1996. 344 p.
7. Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika: Spravochno-entsiklopedicheskoe izdanie [The ABC of Social psychologist practice]. Moscow: PER SE, 2007. 464 p.
8. Krylov A.N. Religioznaya identichnost': individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostanstve. [Religious Identity. Individual and Collective Consciousness in the Postindustrial Space], Moscow: Ikar, 2012. 303 p.
9. Kenchen Palden Sherab Rinpoche, Kkhenpo Tsevang Dong'yal Rinpoche. Svet trekh dragotsennostei [The Light of the Three Jewels]. Moscow: Dkharma Samudra, 1999. 128 p.
10. Lebedeva N.M. Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]. Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Yurait, 2014. 491 p.
11. Malakhov V.S. Identichnost' [Identity]. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4kh tomakh [New encyclopedia of philosophy in 4 volumes]. Vol. 2. Stepin V.S. (ed.). Moscow: Mysl', 2001. 634 p.
12. Manzanov G. E. Religioznye traditsii v tsennostnykh orientatsiyakh buryatskoi molodezhi [Religious traditions in the value orientations of Buryat youth]. Ulan-Ude: Publ. BNTs SO RAN, 1997. 115 p.
13. Mitina O.V. Modelirovanie latentnykh izmenenii c pomoshch'yu strukturnykh uravnenii [Structural Equations for Latent Curve Modeling]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology (Russia)], 2008. Vol. 1, no. 1, pp. 131–148. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Nasledov A. D. IBM SPSS Statistics i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [IBM SPSS Statistics and AMOS: professional statistical analysis]. Saint Petersburg: Piter, 2013. 415 p.
15. Ovshinov A.N. Dukhovnaya kul'tura kalmytskogo buddizma – indikator etnicheskoi identichnosti v evraziiskoi tsivilizatsii [Spiritual culture of the Kalmyk buddhism as the indicator of ethnic identity in the Eurasian civilization]. *Vestnik KalmGU* [Bulletin of the Kalmyk University], 2015. no. 2 (26), pp. 50–62. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Pavlova O.S. Ob etnicheskoi, religioznoi i gosudarstvenno grazhdanskoi identichnosti chechencev i ingushei Ethnic, Religious and Civil Identity of Chechen and Ingush People. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2013. no. 2, pp. 119–136. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Cultural Science and Natural Science]. Gessen S.I. (ed.). Moscow: Respublika, 1998. 128 p.
18. Khofstede G. [Hofstede G.] Model' Khofstede v kontekste: parametry kolichestvennoi kharakteristiki kul'tur (perevod s angliiskogo V.B. Kashkina) [Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context (translated in Russian by V.B. Kashkin)]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 2014. Issue 12, pp. 9–49. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii. [A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012. Vol.9, no. 2, pp. 43–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost' v zarubezhnykh psikhologicheskikh issledovaniyakh: teoreticheskie modeli i sposoby izucheniya [Religious Identity in Foreign Psychological Studies: Theoretical Models and Research Methods]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 44–62. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Shumilova E.A., Hodzhaeva E.A. Osobennosti stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti musul'man v Tatarstane [The civil identity development features of Tatarstan muslims]. In Magun V.S. (ed.). *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities of the modern Russia]. Moscow, 2006. pp. 132–140.
22. Allport G., Ross M. J. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967. Vol. 5, pp. 432–443.
23. Gorsuch, R., McPherson S. E. Intrinsic / extrinsic measurement: I/E-revised and single-item scales. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1989. Vol. 28, pp. 348–354.
24. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations, 2nd Edition. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 596 p.
25. Oppong S.H. Religion and Identity American. *International Journal of Contemporary Research*, 2013. Vol. 3, no. 6, pp. 10–16.
26. Van Camp D. Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity. [Elektronnyi resurs]. PhD. thesis. Howard University, Washington, D.C., 2010. *ProQuest Dissertations and Theses (PQDT)* URL: <http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA3864B650ABE7C/1?accountid=35419> (Accessed 15.01.2016)